

Н. Н. Летина

Брак как творческий проект: император, художник, поэт

Выполнено по гранту РГНФ 12–03–00137

В статье раскрываются парадоксальные интенции и результаты творческого проектирования брачных отношений политической и творческой элиты начала и конца Нового времени. Вступление в брак экстраординарные в социальном или культурном плане личности нередко мыслят не только как значительное, но как знаковое событие, которое является для них поводом актуализации творческих жизнеустроительных интенций. Изучение творческого проектирования собственного брака репрезентативными представителями политической и культурной элиты России – Великим князем, затем императором Павлом Петровичем, художником Михаилом Врубелем, поэтом Александром Блоком – осуществлено в отношении наиболее значимых позиций. Раскрываются сила и степень регламентации брачных отношений в связи с обоснованием продуцирующей ее мотивации. Исследуются специфика распределения ролей в браке и их сущностное наполнение, особенности «функционирования» и «предназначения», а также парадоксальные трансформации, связанные с экспансией дам в сферу активного проектирования брачных отношений, детерминированную как историко-культурным контекстом, так и личностными особенностями. Верифицируются результаты творческого проектирования брака в личностном и социокультурном аспектах, с учетом критериев успешности, обусловленных как традициями, так и индивидуальными претензиями акторов.

Ключевые слова: брак, творчество, проект, элитарная личность, рубежная личность, отечественная культура.

N. N. Liotina

Marriage as a Creative Project: Emperor, Artist, Poet

In the article paradoxical intensions and results of the creative construction of marriage relations of the political and creative elite in the beginning and the end of Modern times are revealed. Marriage is understood by extraordinary, in the social or cultural aspect, people not only as an important event but also as a symbolic event which can be a reason to update creative life-making intentions. Studying of creative construction of their own marriage by representative representatives of the political and cultural elite of Russia – the Grand duke, then by Emperor Pavel Petrovich, artist Mikhail Vrubel, poet Alexander Blok – is carried out concerning the most significant positions. Force and degree of regulation of the marriage relations in connection with justification of motivation producing it are revealed. Specificity of distribution roles in marriage and their essential content, features of "functioning" and "mission", and also paradoxical transformations concerning expansion of ladies in the sphere of active construction of marriage relations, which is determined by the historical and cultural context, and personal features are studied. Results of creative construction of marriage in personal and sociocultural aspects, taking into account criteria of success caused by as well as traditions, and by individual claims of actors are verified.

Keywords: marriage, creativity, a project, an elite personality, a boundary personality, domestic culture.

Вступление в брак экстраординарные в социальном или культурном плане личности нередко мыслят не только как значительное, но как знаковое событие, которое является для них поводом актуализации творческих жизнеустроительных интенций. Творческое проектирование собственного брака репрезентативными представителями политической и культурной элиты России – Великим князем, затем императором Павлом Петровичем, художником Михаилом Врубелем, поэтом Александром Блоком – предмет данной статьи.

Для культурно-антропологического типа рубежной личности, какой несомненно являлся Великий Князь *Павел Петрович*, характерно искать опорные точки, механизмы гармонизации внутреннего мира и упорядочивания внешнего

течения жизни. В июле 1776 г. в Рейнсберге Павел Петрович создает и вручает для ознакомления своей невесте, Софии-Доротее-Августе Вюртембергской, текст, известный под названием «Инструкция Великого Князя Павла Петровича Великой Княгине Марии Феодоровне» [15]. Этот формальный документ требует точного исполнения правил по 14 пунктам, установленным цесаревичем¹. Основной текст «Инструкции» состоит из подробной расшифровки данных пунктов, раскрывающей обязанности будущей Великой Княгини.

Этот документ приоткрывает психологические последствия пережитой Павлом семейной трагедии, в результате которой его энтузиазм по отношению к браку замещается рациональной,

бюрократизированной декларацией супружеских обязанностей. При этом двадцатидвухлетний Павел стремится не только регламентировать семейный образ жизни, но и гарантировать отношения «доверия и дружбы».

Брак с российским цесаревичем Павлом для Софии-Доротеи Вюртембергской является рубежом, изменившим весь строй ее жизни. Даты объявления о бракосочетании 23/12 июля и прибытия в Царское Село 11 сентября/31 августа Мария Федоровна собственноручно заносит в список знаменательных дат жизни [17]. Большая часть изменений коснулась внешнего уровня – обретенный в результате замужества высокий социальный статус требовал соответствия. Как понятно из содержания «Инструкции», соответствия статусу Великой княгини требовал от Марии Федоровны и ее муж.

Отметим, инструкция – жанр бюрократического дискурса, отличающийся монологичностью, авторитарностью, иерархичностью. Над ней не следует рефлексировать, ее необходимо просто исполнять. Принцесса Вюртембергская «Инструкцию» внимательно изучила. Но отнеслась к ней не как к своду правил-законов, а как к письму. Она сознательно не захотела организовывать супружеский дискурс как бюрократически-авторитарный и предпочла перевести его в личное пространство диалога и гендерной игры влюбленных. Об этом говорит две сделанные в конце инструкции после заключения брака заметки.

Первая написана Великой княгиней Марией Федоровной. В ней утверждается, что данная инструкция оказалась для Великой княгини не актуальна: «Инструкция, которую великий князь начертал для меня, прежде чем меня узнал, и которую он передал мне в Рейнсберге. Благодаря Богу, она мне не понадобилась, так как моя привязанность к нему всегда побуждала и всегда будет побуждать меня предупреждать его желания; муж мой сознал сам, что требования, им предъявленные, были ему внушены злополучным опытом его первого брака» [16]. С точки зрения жанровой принадлежности, эта заметка корреспондирует с дневниковой записью. Но она, несомненно, предполагает адресата – Великого Князя, и в этом своем качестве предстает имплицитным письмом или запиской.

В этой, казалось бы, наивной заметке-исповеди, заметке-записке весьма интересен формальный строй текста и подтекста, организованного двумя рубежами-противопоставлениями.

Первое – внешнее противопоставление прежнего, «злополучного» брака и нынешнего, предположительно, успешного. Незнакомое основание данной антиномии – различные индивидуальности двух женщин: Натальи Алексеевны и Марии Федоровны. Это противопоставление само по себе достойно уважения – его фиксацией Мария Федоровна продемонстрировала здравый смысл, способность к анализу и перспективному планированию. Собственно, она обозначила в то время даже не предполагавшееся психоаналитическое понятие «переноса» и точно указала на его последствия в восприятии Павлом семейной жизни.

Но в тексте присутствует еще и внутренняя антиномичность личного и статусного, женского и мужского: «Я» – «Великий князь». Ее прямой уровень выражения – лексика, опосредованный уровень значения – ментальность. «Великий князь» предстает в динамике понятий «злополучный опыт», «инструкция», «требования», «не знал», «сознал». Он – мужчина, разочарованный прошлым брачным опытом. Его образ эволюционирует от «опыта» и «незнания» к «сознанию» и именно этим, а также самим номинативным рядом, раскрывает свою просветительскую сущность. Так, Мария Федоровна характеризует опыт и личность Великого князя с помощью просветительского тезауруса и в категориях просветительской ментальности. И делает это весьма деликатно, если учесть, какие сферы регламентирует «начертанная» им инструкция. «Я» Марии Федоровны окружено в этом высказывании иным словесно-ментальным ореолом: «благодаря Богу», «привязанность», «предупреждать желания», грамматические формы личного местоимения «я» (шесть употреблений), «мой». Безусловно, перед нами проявление сентименталистской ментальной парадигмы.

Противоречие «заблуждающегося разума» и «искреннего чувства» – таково наполнение антиномии «Великий князь» – «Я». Внутренняя логика текста ведет к снятию противоречия, к просвещению разума «моего мужа», поверившего, наконец, в привязанность жены. Роль женщины в сентименталистской и в целом просветительской ментальной парадигме – генерация и воспитание нового человека через воспитание собственных детей, вдохновение на социокультурную деятельность и смягчение нравов взрослых мужчин.

Именно в таком контексте необходимо оценить позднюю заметку «инструктора»: «Я не стыжусь в этом перед Богом и совершенно отка-

зался от мыслей, внушенных мне моим злополучным опытом. Я обязан сделать это признание такой супруге, как моя, которая обладает добродетелями и достоинствами и которую я люблю всем сердцем» [16]. Это признание в любви – одновременно признание полной несостоятельности самой идеи инструктажа, переход от бюрократического жанра и дискурса к сердечному, сентименталистскому. Напомним, своей припиской к «Инструкции» Мария Федоровна уже перевела монологический жанр инструкции в иную, диалогическую жанровую форму переписки в сентименталистском стиле, смягчающую авторитарность дискурса. Соглашаясь с этой жанрово-стилистической трансформацией и продолжая ее, Павел снимает первоначальную иерархичность.

Великая Княгиня Мария Федоровна меняет качество супружеского дискурса, переведя предложенный Великим Князем его бюрократизированный просветительский вариант в сентименталистский.

Брак художника и поэта, оформленный в соответствии с христианской традицией, на первый взгляд, не требует столь жесткой регламентации, как брак цесаревича, затем императора. Формально брак *М. А. Врубеля* с Н. И. Забелой-Врубель и брак *А. А. Блока* с Л. Д. Блок были заключены (28 июля 1896 г. в Женеве и 17 августа 1903 г. в церкви Михаила Архангела, села Высокое, погоста Никольское, близ Шахматова и Боблово) сознательно и по взаимному согласию посредством церемонии венчания. Однако мы полагаем, что христианский брак для Врубеля и Блока был формой фиксации совершенно особых отношений.

Художник и поэт вступают в брак с женщинами, которые в их сознании являются символическими земными воплощениями Вечной Женственности, персонифицированной Музыкой, Надеждой и Любовью (если брать в качестве доминант символический смысл имен). Поэтому «брак» М. А. Врубеля с Н. И. Забелой-Врубель и А. А. Блока с Л. Д. Блок может быть осмыслен как вариант «священного брака», символизирующего мистический союз художника и Мировой Души, реализующего единение уже не в горизонтальной, а в вертикальной проекции.

Формой заключения «священного брака» в сознании Врубеля и Блока остается венчание или свадьба. Врубель не зафиксировал своего мнения на этот счет, в сознании же А. А. Блока традиционный смысл церемонии модифицирован. Свое венчание Блок воспринимал как «самую важную

вещь в /.../ жизни» [4]. Свадьба Блока с Л. Д. Менделеевой и ему самому, и «мистически чутким» «соловьевцам» – А. Белому, С. М. Соловьеву представлялась мистерией, далеко выходящей за рамки человеческих отношений, имеющей космогоническое значение. О самой же свадьбе Блока и Менделеевой С. Соловьев, бывший шафером, отзывался предельно восторженно и экзальтированно, как он писал А. Белому, «дело близилось к реальному откровению» [5]. А. Белый, в свою очередь, признал: «Свадьба А. А. Блока не есть обывательщина, а какой-то подход к разрешению нами поставленных задач: соловьевство и тут присутствовало» [1]. Таким образом, эта свадебная мистерия, вызвавшая у Блока «чувство исполнимости невозможного» [6], должна была стать кульминационным событием в решении судеб этого мира, эсхатологическим порогом, за которым – обоженье, спасение мира и человечества.

Содержание «священного брака» в опыте Врубеля и Блока – мистико-куртуазное *служение* Мировой Душе в лице жены. Реальное наполнение такого служения в жизни и творчестве Врубеля и Блока различно.

Брак Врубеля, на наш взгляд, есть преимущественно эстетизированная аскеза, выразившаяся в жизнотворческих попытках Врубеля предельно эстетизировать семейный быт, максимально наполнить его искусством и красотой. Художник, внося красоту в быт и, следовательно, в мир, увеличивает «пространство красоты», искусственно расширяет ойкумену Вечной Женственности. Тем самым он создает достойные Вечной Женственности-Забелы условия существования, украшает, декорирует ее земное бытие.

Брак Блока – предельно самоотверженная мистическая аскеза, исполненная фанатичного экстремизма. Он обещает своей жене, что их супружеская жизнь «будет как служение, как молитва, как ураган – без тишины, без успокоенности /.../ без «Тихого угла», без «семейности» [7]. Служение, декларируемое Блоком, не имеет ограничений, ему «нет границы и меры», кроме веления «Неизреченной Красоты» [8]. Оно не ограничено ни конкретной сферой приложения сил или формой служения, ни разумом, рефлексией, ни гражданскими или общечеловеческими законами и нормами. Служение Блока, таким образом, есть абсолютное, полное самоотречение и самопожертвование: «моя жизнь вся без изъятий принадлежит Тебе с начала и до конца» [9].

Существует сфера отношений, которую Блок сознательно исключает из своего «безгранично-го» и «безмерного» супружеского служения. Свой брак с Л. Д. Блок-Вечной Женственностью Блок задумал как брак мистический, следовательно – духовный. Физическое же обладание Ее «живым» символом, в сознании Блока, было кощунством, темным, недостойным астартизмом, осквернением святыни. Л. Д. Блок, не согласная с этим, упорно и страстно убеждала сначала жениха, затем мужа, что она не символ, а «живой человек», «живая женщина». Л. Д. Менделеева-Блок была не так уж не права, полагая, что является для Блока «фантазией», «философским идеалом» [2], хотя вернее было бы сказать – символом. Блок воспринимает ее именно как символ, принадлежащий сразу двум бытийным пластам, одновременно феноменальный, воплощенный «здесь» в лице Л. Д. Менделеевой-Блок, и нумеральный, существующий «там» как Вечная Женственность.

Из воспоминаний Л. Д. Блок известно, что физическая сторона их брака долгое время оставалась нереализованной («Конечно не муж и жена. О, господи! Какой он был муж и какая уж это была жена!» [3], вероятно, именно ее активность способствовала изменению ситуации. Но и потом Блок стремился избегать близости с женой, предпочитая реализовывать «темные инстинкты» вне брака. Аналогичный путь реализации «своих «женских» (бабьих) претензий» [3] выбрала и Л. Д. Блок. Но даже в мистически несовершенном браке Блок находил осуществление взаимности, духовной и душевной близости – уже не с Мировой Душой, а с просто – «милой», просто – «Любой». «Все единственное в себе я уже отдал тебе и больше никому уже не могу отдать даже тогда, когда хотел этого временами. Это и определит мою связь с тобой, – писал поэт жене [10].

Целью «священного брака» в сознании Врубеля и Блока является *мистический опыт*. Аспект всеединства подразумевает достижение в браке предельной полноты взаимного единения, вплоть до растворения друг в друге: «Будешь Ты и буду я – одно» [7]. Есть здесь и поиск пути к реализации *мистического гнозиса*: «Я найду все и вскрою все тайное, /.../ Твои откровения, которых я до сих пор не могу постичь и измерить» [8].

Врубель и Блок возлагали на брачный союз и надежду на онтологическую перспективу. Ожидания Врубеля отчасти лежали в пределах «этого мира» (со своим браком он связывал успешность творчества, личное и семейное благополучие,

спасение от прогрессирующей душевной болезни), а отчасти превосходили их в надежде на обретение новой гармонии, нового вдохновения, в надежде на эсхатологическое спасение. Блок изначально полагал свой брак спасительным причащением к инобытийному истоку жизни. Но и он сам, и его творчество необходимы Л. Блок – Мировой Душе. Данная интенция проистекает из самоидентификации поэта с магом, жрецом, способным силой *магии* «озарить», раскрыть символические глубины личности Л. Д. Блок, обнаружить ее подлинную вечноженственную природу: «Наконец-то у Тебя озарены глубины Твоей души. Я думал, туда, в загадочную для меня область, в мое несбыточное, не проникнут мои лучи при всем их пылании» [13]. Позднее Блок придет к выводу, что окончательное онтологическое преобразование в браке достигнуто не было, было – только временное «озарение», «не укрепленная и подтачиваемая и нами самими и чужими, врагами» [14] временная «гармония».

Таким образом, мы можем заключить, что творческое проектирование брака было актуальной интенцией браков политической и художественной элиты России.

Сила и степень регламентаций вполне сопоставима и для Великого Князя, затем императора, вручившего невесте знаменитую «Инструкцию», и для художника М. Врубеля, конструировавшего прекрасный, но крайне неудобный быт для своей супруги, и для А. Блока, требовавшего от жены мистически адекватного поведения.

Показательна являются специфика распределения ролей в браке. Для великокняжеского и монаршего брака характерна социально обусловленная строгая иерархия подчинения супруги супругу, для мистического союза Художника и Мировой души задается обратная духовно и эстетически детерминированная иерархия служения супруга супруге. При этом роль супруга в браке мыслится и реализуется Павлом Петровичем в большей мере космоургической, Врубель же и Блок актуализировали двойственную роль слуги, жреца, и в то же время – мага-демиурга с онтологическими претензиями. Однако во всех трех случаях статус субъекта творчества отчетливо верифицируется за супругом, роль объекта творческой активности – за супругой.

Отметим парадоксальный поворот, который, вероятно, отчасти определил и результаты проектирования в браке: в определенный момент роль субъекта творчества «перехватили» дамы. Здесь важно указать на историко-культурную и мен-

тальную дистанцию (усиленную личностным фактором) активности дам. Начало (Мария Федоровна) и конец (Н. И. Забела-Врубель и Л. Д. Менделеева-Блок) Нового времени были ознаменованы отчасти (но лишь отчасти) сходными процессами в отношении формирования гендерных стереотипов и ролей. Просвещение и сентиментализм закрепили за женщиной право быть вдохновительницей мужчины и воспитательницей мальчика, а неоромантическая модернистская практика с символическим уклоном возвела ее к роли не только символа Прекрасной Дамы и Мировой души, но и самостоятельного творца. В таких неравных историко-культурных условиях брак Врубеля и Блока был обречен на со-творчество активно самореализующихся супругов. В результате Н. И. Забела-Врубель и Л. Д. Менделеева-Блок (при безусловном лидерстве второй), включив механизм войны полов, действовали в большей мере в направлении «обытовления», заземления претензий художника и поэта, противоположном устремлениям сопротивляющихся и, в результате, надламывающихся супругов (на фоне острейшего переживания ими тотального кризиса культуры и жизни). Мария Федоровна же, по крайней мере, первоначально, устремила свою активность на постепенное взаимное «сердечное» сближение, не претендуя на вмешательство в сферу высочайших устремлений и убеждений супруга.

Результаты творческого проектирования брака в целом оказались успешными, но не в равной степени. Брак, задуманный Павлом Петровичем как проект, и стал таковым, однако роль космички в нем «перехватила» супруга. Как бы в дальнейшем не складывались отношения Павла Петровича и Марии Федоровны, переживших общие (смерть дочери Ольги, разрушительное воздействие Екатерины II и двора: «антипавловская» политика, влияние на старших сыновей) и индивидуальные травмы (экспансия Марией Федоровной Павловска, отчужденность Павла в последние годы), их брак ознаменован личным переживанием его успешным и плодотворным. Государственное значение союза Павла Петровича и Марии Федоровны переоценить невозможно – он обеспечил российскому престолу продолжение династии и установление обширных родственных связей с правящими домами Европы, что также входило в задачи проектирования брака его демиургом – Екатериной II.

Критерием успешности брака Врубеля и Блока в мистическом измерении могло бы служить

достижение декларируемой цели – «обоженья», окончательного эсхатологического спасения, вечной жизни. Данная цель в браке и Врубелем, и Блоком вряд ли достигнута, следовательно, есть сомнение и в реализованности его мистического потенциала. В качестве дополнительного аргумента можно рассматривать случившуюся в обоих случаях трагедию: обе супружеские пары потеряли единственного ребенка (мальчиков) в младенческом возрасте, брак и в буквальном, и в «мистическом» смысле оказался «бесплоден». В человеческой проекции брак, по всей видимости, состоялся: и Врубель, и Блок ощущали высокую степень духовной и душевной близости со своими женами, находя в их обществе гармонию и успокоение. Тем не менее, брак-творческий проект Врубеля и Блока имеет важнейшие эстетические плоды – создание вершинных произведений русского искусства.

Библиографический список

1. Александр Блок в воспоминаниях современников [Текст] : в 2 т. – М.: Худ. лит., 1980. – Т. 1. – С. 224.
2. Александр Блок в воспоминаниях современников [Текст] : в 2 т. – М.: Худ. лит., 1980. – Т. 1. – С. 161–162.
3. Александр Блок в воспоминаниях современников [Текст] : в 2 т. – М.: Худ. лит., 1980. – Т. 1. – С. 171.
4. Александр Блок. Новые материалы и исследования [Текст] // Литературное наследство. – Т. 92. – Кн. 1. – М.: Наука, 1980. – с. 322.
5. Александр Блок. Новые материалы и исследования [Текст] // Литературное наследство. – Т. 92. – Кн. 1. – М.: Наука, 1980. – С. 319.
6. Блок, А. А. Сочинения [Текст] : в 6 т. / А. А. Блок. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-е. Т. 6. – Л., 1983. – С. 44.
7. Блок, А. А. Сочинения [Текст] : в 6 т. / А. А. Блок. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-е. Т. 6. – Л., 1983. – С. 49.
8. Блок, А. А. Сочинения [Текст] : в 6 т. / А. А. Блок. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-е. Т. 6. – Л., 1983. – С. 30.
9. Блок, А. А. Сочинения [Текст] : в 6 т. / А. А. Блок. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-е. Т. 6. – Л., 1983. – С. 9
10. Блок, А. А. Сочинения [Текст] : в 6 т. / А. А. Блок. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-е. Т. 6. – Л., 1983. – С. 29.
11. Блок, А. А. Сочинения [Текст] : в 6 т. / А. А. Блок. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-е. Т. 6. – Л., 1983. – С. 121.
12. Блок, А. А. Сочинения [Текст] : в 6 т. / А. А. Блок. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-е. Т. 6. – Л., 1983. – С. 49.

12. Блок, А. А. Сочинения [Текст] : в 6 т. / А. А. Блок. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-е. Т. 6. – Л., 1983. – С. 30.

13. Блок, А. А. Сочинения [Текст] : в 6 т. / А. А. Блок. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-е. Т. 6. – Л., 1983. – С. 35.

14. Блок, А. А. Сочинения [Текст] : в 6 т. / А. А. Блок. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-е. Т. 6. – Л., 1983. – С. 227.

15. Павел I. Инструкция Великого Князя Павла Петровича Великой Княгине Марии Феодоровне (1776 г.) / сообщ. Е. Шумигорский // Русская старина, 1898. – Т. 93. – № 2. – С. 247–261.

16. Павел I. Инструкция Великого Князя Павла Петровича Великой Княгине Марии Феодоровне (1776 г.) / сообщ. Е. Шумигорский // Русская старина, 1898. – Т. 93. – № 2. – С. 261.

17. Фотокопия и расшифровка списка знаменательных дат жизни вел. Кн. Марии Федоровны, составленного ей самой. На фр. языке. – 1776. – ГА РФ приведен в книге: Императрица Мария Федоровна. – Павловск, СПб., 2000. – С. 28.

Bibliograficheskiy spisok

1. Aleksandr Blok v vospominaniyakh sovremennikov [Tekst] : v 2 t. – М.: KHud. lit, 1980. – Т. 1. – С. 224.

2. Aleksandr Blok v vospominaniyakh sovremennikov [Tekst] : v 2 t. – М.: KHud. lit., 1980. – Т. 1. – С. 161–162.

3. Aleksandr Blok v vospominaniyakh sovremennikov [Tekst] : v 2 t. – М.: KHud. lit., 1980. – Т. 1. – С. 171.

4. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya [Tekst] // Literaturnoe nasledstvo. – Т. 92. – Кн. 1. – М.: Nauka, 1980. – s. 322.

5. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya [Tekst] // Literaturnoe nasledstvo. – Т. 92. – Кн. 1. – М.: Nauka, 1980. – С. 319.

6. Blok, A. A. Sochineniya [Tekst]: v 6 t. / A. A. Blok. – L.: KHudozh. lit. Leningr. otd-e, Т. 6. – Л., 1983. – С. 44.

7. Blok, A. A. Sochineniya [Tekst]: v 6 t. / A. A. Blok. – L.: KHudozh. lit. Leningr. otd-e, Т. 6. – Л., 1983. – С. 49.

8. Blok, A. A. Sochineniya [Tekst]: v 6 t. / A. A. Blok. – L.: KHudozh. lit. Leningr. otd-e, Т. 6. – Л., 1983. – С. 30.

9. Blok, A. A. Sochineniya [Tekst]: v 6 t. / A. A. Blok. – L.: KHudozh. lit. Leningr. otd-e, Т. 6. – Л., 1983. – С. 9

10. Blok, A. A. Sochineniya [Tekst]: v 6 t. / A. A. Blok. – L.: KHudozh. lit. Leningr. otd-e, Т. 6. – Л., 1983. – С. 29.

11. Blok, A. A. Sochineniya [Tekst]: v 6 t. / A. A. Blok. – L.: KHudozh. lit. Leningr. otd-e, Т. 6. – Л., 1983. – С. 121.

11. Blok, A. A. Sochineniya [Tekst]: v 6 t. / A. A. Blok. – L.: KHudozh. lit. Leningr. otd-e, Т. 6. – Л., 1983. – С. 49.

12. Blok, A. A. Sochineniya [Tekst]: v 6 t. / A. A. Blok. – L.: KHudozh. lit. Leningr. otd-e, Т. 6. – Л., 1983. – С. 30.

13. Blok, A. A. Sochineniya [Tekst]: v 6 t. / A. A. Blok. – L.: KHudozh. lit. Leningr. otd-e, Т. 6. – Л., 1983. – С. 35.

14. Blok, A. A. Sochineniya [Tekst]: v 6 t. / A. A. Blok. – L.: KHudozh. lit. Leningr. otd-e, Т. 6. – Л., 1983. – С. 227.

15. Pavel I. Instruksiya Velikago Knyazya Pavla Petrovicha Velikoj Knyagine Marii Feodorovne (1776 g.) / soobshh. E. SHumigorskij // Russkaya starina, 1898. – Т. 93. – № 2. – С. 247–261.

16. Pavel I. Instruksiya Velikago Knyazya Pavla Petrovicha Velikoj Knyagine Marii Feodorovne (1776 g.) / soobshh. E. SHumigorskij // Russkaya starina, 1898. – Т. 93. – № 2. – С. 261.

17. Fotokopiya i rasshifrovka spiska znamenatel'nykh dat zhizni vel. Kn. Marii Fedorovny, sostavlennogo ej samoj. Na fr. yazyke. – 1776. – GA RF priveden v knige: Imperatritsa Mariya Fedorovna. – Pavlovsk, SPb., 2000. – С. 28.

¹ «Первый. Касается религии, то есть того, что надобно будет соблюдать по отношению церковных обрядов, обычаев и т. п.

Второй. Касается ее величества и поведения принцессы по отношению к ней.

Третий. Касается желательного ее обращения со мною.

Четвертый. Касается нашей публики, следовательно косвенно и репутации принцессы даже в чужих краях.

Пятый. Касается нашего народа, который легко может быть оскорблен в своих чувствах.

Шестой. Русского языка и других необходимых сведений о России.

Седьмой. Касается ее личного штата или прислуги.

Осьмой. Касается денег, гардероба и иных расходов.

Девятый. Касается доверия, какое она должна иметь к супруге фельдмаршала.

Десятый. Касается образа жизни вообще.

Одиннадцатый. Касается тех лиц, коих нам придется видеть в обществе.

Двенадцатый. Касается образа жизни дома и лиц, допущенных в домашний кружок.

Следующие два пункта считаются особенно важными:

Тринадцатый. Никогда не вмешиваться ни в какое дело, непосредственно ее не касающееся, тем более в какия-либо интриги или пересуды.

Четырнадцатый. Не принимать ни от кого, кроме лиц специально для того приставленных, а тем более от прислуги, никаких, хотя бы самых пустяжных, советов или указаний, не сказав о том хоть чего-либо мне»